

А ветер, пахнувший
густой ромашкою,
играй распахнутой
моей рубашкою!

А поздно вечером
в синем воздухе –
то ветки-веточки,
то звёзды-звёздочки.

А за околицей –
луны осколышек
и губы-губочки
юбочки-Любочки.

Влюблённый Капранов

И. Масленникова

Поэт не может быть
не влюблённым.
Это его естественное
состояние и самый
главный катализатор
творчества. Вот одна
из историй влюблённости
Геннадия Капранова
в письмах и стихах,
публикуемая впервые

* * *

Скучны были вечера,
Но судьба на выручку,
Благодатная, вчера
Мне послала Ирочку.

Вдруг в моей двери, смотрю, – стоит Иринка. Щёки – как два яблока, глаза – как две сливы, ресницы, значит, щёточками (ты же знаешь, какие длиннющие!), и губы – как две половинки какого-то экзотического фрукта. Я как раз занимался ремонтом комнаты и был по этой причине в кофте, которой не помню сколько лет, да притом весь заляпанный клейстером, да плюс ещё небритый... И мне было не стыдно, а досадно, что я не закончил ремонт к её приезду. Поэтому я заложил обе руки за спину, вытянул, как мог, длиннее шею и чуть-чуть прикоснулся губами к одному из её яблок.

Она порассказала мне кое-что о Нижнекамске, о тебе, о своих бракосочетательных проблемах, об Игоре, ёлке, призе за танец, о Кучуме. И мне было её очень жалко, потому что она сидела и ела, бедненькая, пустой хлеб, который солила с ножа, и пила чай, какой в поэзии называется «белой розой», а в прозе – «без заварки». Но зато у нас был лимон!

Все эти дни её маленький ротик висел у меня на стене, но как раз накануне вечером я по рассеянности не снял его со стены и заклеил полоской зелёных обоев... Сначала я расстроился, но потом мне показалось, что это хороший знак – что в моих стенах запечатаны её уста. Так, где-то в древности строители ставили красивую девушку и в тень от неё клали первый камень будущего строения. Это на счастье.

Из письма к Людмиле (сестре Ирины Масленниковой).

30 декабря 1981 года

* * *

Здравствуй, дорогостоящая куколка из шикарного отдела игрушек шикарного супермаркета (супермаркеты – это такие универсамы в Америке, к Вашему сведению)!

И вот, значит, если бы мы все сообща не построили в нашей стране развитой социализм, то дрожал бы я сейчас от холода или от похмелья в своей диогеновой бочке и страдал бы от голода. Ан нет, я – в тепле и ем (спасибо партии) три раза в день.

Жили мы тут, Ирочка, первоначально втроём: я, Юра Кучумов и твой обожаемый дядечка. Но дядечка сильно затосковал по дому (и захотелось чаю и родни), и теперь мы с Юркой двоечко курим, пьём лекарства и едим закуску.

Иришечка, красоточка, посмотри, пожалуйста, есть ли у тебя 2-й экз. моих стихов (помнится, я тебе их на сохранение дал, именно 2-й экз.). Если у тебя нет (есть, есть!!!), то это всё равно что я вообще никогда ничего не писал, ибо это всё, что я сочинил и не уничтожил, а 1-й экз. у меня, у пьяного, забрала с... белая – Лена и, видимо, посеяла в одном из своих многочисленных мест однодневного пребывания. Я очень надеюсь, что они у тебя, больше им и быть-то негде. А я, ей-богу, ничего не помню на память, т. к., подготавливая рукопись для Зарецкого, все стихи коренным образом переделал. Ириш, это единственная просьба и повод для того, чтобы потревожить твой покой.

Где ты живёшь? У мамы или у себя? Не дерётесь ли с Люцией? В кого-нибудь влюбилась? Замуж не собираешься?

...Целую руку от подушечек пальцев до подмышки (или, если хочешь, ногу на таком же расстоянии). На всю жизнь влюблённый в тебя и никогда не смогуший разлюбить – Геннадий.

Р. S. Юрка составил для тебя инструкцию по делам замужества и проч., давно обещанную, плод многолетних раздумий над судьбами – твоей и других «девочек». Я участвовал лишь как консультант, и хоть там есть явно враждебный мне пункт, я вынужден был подписать.

Р. P. S. Иришечка! (Ещё более ласкового и уменьшительного названия не придумаю.) Если сможешь, приди как-нибудь к нам, порадуй наши глаза цветущими прелестями твоего сада-лица. Принеси с собой атмосферу мороза, духов, пушистости и обаяния.

Из письма к Ирине Масленниковой.

27 декабря 1984 года

* * *

...Хотя когда ты получишь это письмо, первые новогодние радости будут уже позади, тем не менее, Ирина, поздравляю тебя с новогодним праздником и, если бы я был волшебником, то исполнил бы три-четыре твоих самых жгучих желания, но так как я не волшебник, а всего-навсего излечимый алкоголик, то... то... то что же, чёрт побери?! То желаю тебе сегодня выпить среди своего вкусного вина и поесть хорошей закуски, и быть блистательнее всех девушек и женщин, которые будут за столом, и чтобы все мужчины и юноши увивались за тобой и давали тебе нежные названья, и чтобы ты не давала им ничего, кроме обещания потанцевать следующий танец.

...Живём мы, Ир, примитивно, как животные, т. е. едим, пьём и спим... Дни наши так же похожи один на другой, как бусинки у тебя на шее, но это, видимо, целебное однообразие. Правда, мы с Кучумом чуть-чуть разнообразим свои дни – пишем письма, он рассказывает (а я слушаю) всякие анекдоты, которых он знает, оказывается, больше, чем я мог подумать.

Потом я как-то взялся за карандаш и нарисовал себя самого в зеркале. А ещё раньше я вырезал из журнала фотографию котёнка, который похож на тебя, и прилепил его (т. е. её, фотографию) над койкой. А ещё через день я увидел фото девушки, которая копия ты, и я её прилепил рядом с тобой-котёнком. Но старшая сестра велела снять со стены эту галерею. Девушку-тебя я снял, а ты-котёнок всё висит, пушистый, с ушками и с белой грудкой, а сам тёмно-серенький.

Юра мне подал хорошую идею: называй её, говорит, Ириской. Мне это понравилось, во-первых, потому что это можно лизать и сосать, а во-вторых, Ириска – это как киска, – да вот, не уверен, понравится ли это тебе...

Вот я тут пишу, изошряюсь всячески, а может быть, ты уж давно плюнула на Капанова, и тебе всё это читать-то противно. Почему-то мне вдруг так подумалось. Я тебя давно не видел, ничего про тебя не знаю, я уж и позабыл, какая ты есть, а просто в моём воображении цветёт твоё белое лицо с чёрными бровками и маленькими губами, как у бубновой дамы...

Как я буду жить дальше, пока ясно не представляю... Найду работу, куплю себе всякой одежды и буду приходить к тебе часто-часто, пока я тебе не надою или пока ты ко мне не привыкнешь настолько, что тебе станет меня не хватать. Я буду тебе помогать убираться, готовить еду, стричь ногти, делать маникюр, ноги мыть тёплой водой в тазике, расчёсывать волосы, гладить одежду. Правда, я не знаю, где я найду на всё это время, но ведь мечта не принимает в расчёт такие мелочи.

Я тут, Ира, немножко притупился и не могу написать так умно, остро и поэтично, как умею. Если я потом перечитаю это письмо, то оно мне, скорее всего, не понравится. Если найдёшь где недописанное слово или лишнее, то в этом виноваты таблетки, которых я пью малую кучу.

До свиданья. Целую целую тебя.
Геннадий.

*Из письма к Ирине Масленниковой.
31 декабря 1984 года*

* * *

Сильна рука борца, атлета,
Но есть ещё сильнее рука:
Авторитетность пистолета
И магнетичность кошелька.

Так и сейчас, и раньше было,
Жизнь, в сущности, весьма проста...
Но есть ещё и третья сила,
И это – ваша красота.

И у неё – и та, и эта
Всегда окажутся в силках,
Будь хоть весь пояс в пистолетах,
Хоть все карманы в кошельках!

* * *

Вот тебе – твои
от меня ключочки:
И-и-рочки мои!
Бровочки и щёчки!
Пахнешь – как пыльца
на живом цветочке,
на снегу лица
глазки – как зверёчки.
Я тебя бы спел,
как никем не пелось,
я тебя бы съел,
если бы ты елась.
И не естся мне
да и не поётся:
слишком мало мне
от тебя даётся.
Где твой вкусный суп?
Где большая ложка?
Что мне крошки с губ? –
чересчур немножко...

* * *

Халат на фотокарточке распахнут,
И лампочки в глазах твоих горят.
Так жаль, что фотографии не пахнут
И даже ничего не говорят!
Но ничего! – живым напоминаьем,
Что в комнате сидели мы вдвоём,
Твоя вуалька северным сияньем
Колышется на зеркале моём.

Март, 1983

* * *

То ли кухней ты занятая,
То ли в мире эстетики,
то ли после хозяйничанья,
То ли после косметики.
В домоводстве ты сведуща
И похожа отчаянно
На голландочку, шведочку,
А, быть может, датчаночку.
Не ошиблась ли городом,
Не ошиблась ли улицей,
Не ошиблась ли адресом.
Скандинавским же говором
Надо звать тебя Уллой
По фамилии Андерсен.

* * *

Глазастое – в губках печальных,
И носик приподнят к концу –
Лицо, как фарфоровый чайник,
И очень орнамент к лицу!

* * *

Богатство превращается в убожество,
Когда богатство грязное-прегрязное.
Дай бог, чтобы Прекрасная Уборщица
Была бы и уборщица прекрасная.

Фантазия пускается в неведомое.
Да здравствует фантазии полёт!
Стирает-то Ирина как, наверное!
Наверное, стирает и поёт!

* * *

Взгляд здесь более всего, конечно, выделен,
Как у очень образованных принцесс,
Происходит под причёской этой, видимо,
Изумительный мыслительный процесс.
Только кажется мне, – мать моя ты, мамочка! –
(Ну, проклятье впечатлительных натур!) –
Пальцы, Ирка, чересчур уж в этих ямочках,
Да и губы, Ир, блестят уж чересчур...

Подготовил к печати Эдуард Учаров

